

meanings in the discourse of a fairy tale]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 1(40), 95–101. (in Russian).
Zubkova, O.S., & Logvina S.A. (2022). *Aktual'nye tendencii i zakonomernosti razvitiya evfemii* [Current trends and patterns of euphemism development]. Kursk: Izd-vo ZAO «Universitetskaya kniga». (in Russian).

УДК 811.11-112

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.03>

Лебедева И. С.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Иванова М.В.³

Литературный институт имени А.М. Горького

**ПЕРСУАЗИВНОСТЬ, ХЕДЖИРОВАНИЕ И
ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ КАРТИНЫ СОБЫТИЯ В ХОДЕ
СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

Настоящее исследование посвящено изучению моделей дискурсивного поведения участников судебного заседания на этапе перекрестного допроса, которые позволяют им осуществлять контроль над процессом конструирования репрезентативной картины события. Процесс создания нового представления о реальном событии может носить ненамеренный и намеренный характер. Особенностью институционального дискурса является намеренный характер изменения представлений о реальности. Чаще всего это связано с наличием конфликта интересов участников институционального общения. На стадии перекрестного допроса конфликт интересов приобретает

³ © Лебедева И.С., Иванова М.В. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

экстремальный характер, что приводит к намеренному изменению картины реальных событий с учетом интересов стороны, излагающей данные события. Для присяжных версия событий, представленная участниками перекрестного допроса, является единственной репрезентацией реальных событий, на основе которой им предстоит вынести вердикт. Из этого следует, что участники намеренно создают новые дискурсивные конструкты, являющиеся в большей или меньшей степени, отражением реальных событий и учитывающие интересы сторон. В этой связи представляет интерес изучение лингвистических средств, используемых сторонами на стадии перекрестного допроса для достижения коммуникативных целей в ситуации конфликта интересов. Объектом исследования являются средства персуазивного воздействия, хеджирования и вежливости, используемые сторонами при конструировании репрезентативной картины события и социального мира на стадии перекрестного допроса. В ходе рассмотрения материалов судебного процесса «Д. Дж. Ирвинг против Penguin Books и Д. Липштадт» автор приходит к выводу, что дискурс перекрестного допроса представляет собой социальный конструкт, который опосредован личными установками участников судебного заседания, их отношением к событию, а также множеством факторов психологического и социолингвистического характера, которые формируют это отношение. Для судебного дискурса характерны высокая степень маркированности и особое внимание к выбору формы на всех лингвистических уровнях.

Ключевые слова: судебный дискурс, конструирование дискурса, персуазивность, хеджирование, вежливость

UDC 811.11-112

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.03>

Lebedeva I. S.

MGIMO University,

Ivanova M.V.

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing

**PERSUASION, HEDGING AND POLITENESS IN
DISCOURSE CONSTRUCTION IN COURTROOM**

The present research studies linguistic behavior of trial participants and discursive patterns used by them to control representations of reality they create for the jurors in cross-examination. The process of reality construction may be either intentional or unintentional by nature. A feature of institutional discourse is the intentional nature of changing perceptions of reality. Most often, this is due to the presence of conflicting interests at the cross-examination stage. For the jury, the version of the event presented by lawyers is the only source of information their verdict will draw on. The result is that lawyers intentionally create new mental constructs that are, to a greater or lesser extent, a reflection of real events. The object of the study is persuasive, hedging and politeness means used by trial participants to create new reality in cross-examination. Close research into the source materials – Holocaust Denial – Royal Courts of Justice, Strand, London, 2000 – allows the author to conclude that cross-examination discourse is a social construct dependent on the information and means of interpretation that are part of a person's social system. Courtroom discourse is linguistically marked, close attention is given to the choice of linguistic means at all levels of linguistic expression.

Keywords: courtroom discourse, discourse construction, persuasion, hedging, politeness

Введение

Целью настоящего исследования является определение моделей лингвистического и дискурсивного поведения участников судебного заседания на этапе перекрестного допроса, которые позволяют им осуществлять контроль над процессом конструирования реальности присяжными заседателями (van Dijk 1995). Исследование проведено в рамках системной функциональной лингвистики (СФЛ-SFL) (Halliday 1973, 2004), когнитивной лингвистики (Langacker 1987, 2008; van Dijk 2008), критического анализа дискурса (КАД-CDA) (Fowler et al. 2018) и позволяет раскрыть основные закономерности, используемые участниками судебного заседания при конструировании дискурса. Исследование может представлять практический интерес для обучающихся по направлениям «Международное право», «Международное право и сравнительное правоведение»,

«Международное право и юридическое обеспечение международного энергетического сотрудничества», «Административное и финансовое право», «Международное частное и гражданское право», а также для всех тех, кто изучает лингвистические особенности англоязычного судебного дискурса и средства воздействия, используемые участниками судебного заседания на этапе перекрестного допроса.

Теоретическая база

Согласно Т. ван Ливену (van Leeuwen 2005), дискурс – это социально сконструированное знание о каком-либо аспекте реальности. Следует отметить, что термин «знание» используется в этом контексте для обозначения интерпретации/ понимания говорящим рассматриваемого аспекта реальности, а не фактов самой реальности. Кроме того, данное понимание дискурса акцентирует внимание на его социальном аспекте, что особенно актуально для понимания лингвистической картины судебного заседания. Репрезентативная картина формируемой адвокатом реальности и ее последующее понимание присяжными – социальный продукт, который зависит не столько от самой информации по делу, сколько от ее интерпретации человеком, который ее представляет. Любое дискурсивное представление реальных событий не является объективным, так как всегда опосредовано личными установками говорящего, его отношением к событию, множеством факторов психологического и социолингвистического характера, которые формируют это отношение. В контексте судебного заседания возможная интерпретация события также будет зависеть от таких факторов как, например, степень участия (не всегда можно четко определить), характер совершенного действия, статус жертвы, степень подготовленности/ планирования события, намерения участников события, обоснованность предпринятых действий и т. д. В процессе преобразования знания о событии в лингвистическую форму возникает дискурс, где реальность воссоздается в новой форме, при этом, исходное событие, объект или концепт трансформируются во что-то иное по мере того, как они становятся частью вновь конструируемого дискурса (Bauman & Briggs 1990). Другими словами, дискурс – это репрезентация некоего аспекта реальности, который создается и распространяется внутри

социальной группы/ сообщества (Малюга, 2019). Присяжные заседатели, наделенные властью выносить решение, не имеют представления о событии, так как не являлись его свидетелями, а создаваемый в процессе судебного заседания дискурс становится для них практически единственным источником понимания события, расследования, закона, а также осознания своих будущих действий, связанных с принятием того или иного решения. Подобное понимание дискурса позволяет осознать, что каждый отдельный случай использования языка не существует изолированно, он является частью более широкой модели обсуждения определенной темы или определенного числа смежных тем. Например, каждое из высказываний адвоката представляет собой элемент/ сегмент дискурса, который включает в себя все представления о реальности, которые формировались соответствующей стороной по делу на протяжении судебного разбирательства.

С точки зрения когнитивной науки, основная функция языка – создание области взаимодействия между собеседниками. Слушатель сам создает информацию, уменьшая под воздействием получаемых сообщений неопределенность в собственной когнитивной области, что предопределяет его поведение. Подход Л. Фелтона (Felton, 2015) к рассмотрению функций дискурса базируется на признании существования двух ключевых функций дискурса – информативной и директивной и, как следствие, двух типов дискурсивных актов – информативных и директивных (Sinclair & Coulthard, 1992). Данный подход в большей степени ориентирован на исследование судебного дискурса и имеет практическую направленность. Цель информативного дискурсивного акта – распространение информации о событии, в то время как цель директива – инструктирование реципиента относительно того, как следует понимать событие и, как должен быть изменен мир (в данном случае речь идет об изменении посткоммуникативного поведения реципиента (Perloff, 2003), а в контексте судебного заседания – вердикта присяжных заседателей). Такой подход полностью соответствует пониманию М. Хэллидеем (Halliday, 1973, 2004) функций дискурса. Только посредством передачи представления о реальности (the ideational function) и конструирования социального мира (the interpersonal function)

говорящий оказывается способен не только информировать слушателя, но и управлять его вниманием, направлять его в принятии определенных действий и решений. Данные процессы взаимосвязаны и происходят одновременно.

К элементам, составляющим дискурс можно отнести речевые акты (Austin, 1962; Searle, 1969), функции которых гораздо более разнообразны. Функции дискурса могут быть реализованы только в том случае, если отдельные речевые акты или группы речевых актов внутри дискурса работают вместе для достижения более масштабной дискурсивной функции (Felton, 2015). Например, адвокат представляет мир таким, каким он был, есть или будет/мог бы быть (т. е. информируют) посредством таких речевых актов, как утверждения, предположения, предложения; они изменяют мир (т. е. направляют), используя такие речевые акты, как наименования, клятвы, обещания, предположения, просьбы и команды; они также уделяют внимание формированию определенного типа отношений с окружающими и аудиторией посредством извинений, приветствий и других социальных действий. Дискурсивные функции реализуются не только на уровне предложения, но и в лексических и синтаксических формах, используемых внутри предложений. По мнению М. Хэллидея (Halliday, 2004), именно на этих уровнях лингвистического выражения обсуждается и создаются тонкие оттенки значений. При создании предложения говорящие выбирают структуры и компоненты для их заполнения из широкого спектра возможных вариантов. Каждый из сделанных ими выборов отражает их понимание реальности, а также социального мира, который они конструируют (Felton, 2015).

Для всех типов дискурса характерна определенная степень дуализма (Богинская, 2021; Крапивкина, 2018; Уэйнберг, 2017; Фелтон, 2015) В случае судебного дискурса дуализм представлен как минимум в двух плоскостях. Во-первых, это плоскость конструирования дискурсивного представления о событии, которое может не иметь ничего общего с реальностью. Во-вторых, говоря о функциях дискурса (Halliday, 1973, 2004), следует отметить, что в процессе использования языка говорящий создает два типа значений (Mathiessen, 1995): он передает собственное знание о реальности (понятийная/ смысловая функция дискурса) и одновременно конструирует социальный мир/ контекст

(межличностная функция дискурса) (Halliday & Hassan, 1989). При обмене мнениями о событии и обсуждении деталей события говорящий обозначают/ детерминируют свою роль в этом обсуждении, роль слушателя, тип отношений между ними, отношение к предмету обсуждения, соотносят его с непосредственным и более широким контекстом. Например, при осуществлении речевого акта просьбы адвокат не только направляет действия присяжных заседателей, он одновременно строит межличностные отношения с присяжными заседателями. Когда адвокат извиняется, он не только демонстрирует свое отношение к окружающим, он информирует их о собственных взглядах и своем психическом состоянии (Felton, 2015). Таким образом, можно сказать, что речевой акт извинения выполняет не только социальную\межличностную функцию, но и информативную.

Процесс создания нового представления о реальном событии может носить ненамеренный и намеренный характер. Особенностью институционального дискурса является намеренный характер изменения представлений о реальном событии. Чаще всего это связано с наличием конфликта интересов участников институционального дискурса. Институциональный дискурс – конфликтотенная среда. На стадии перекрестного допроса конфликт интересов приобретает экстремальный характер, что приводит к намеренному изменению картины реальных событий с учетом интересов стороны, излагающей данные события. Для присяжных версия событий, излагаемая участниками перекрестного допроса, является единственной репрезентацией реальных событий, на основе которой им предстоит вынести вердикт. Из этого следует, что участники намеренно создают новые дискурсивные конструкции, являющиеся в большей или меньшей степени, отражением реальных событий и учитывающие интересы сторон. В этой связи представляет интерес изучение лингвистических средств, используемых сторонами на стадии перекрестного допроса для достижения коммуникативных целей в ситуации конфликта интересов.

Объектом исследования являются средства персуазивного воздействия, хеджирования и вежливости, используемые сторонами при конструировании репрезентативной картины

события и социального мира на стадии перекрестного допроса в процессе «Д. Дж. Ирвинг против Penguin Books и Д. Липштадт» (Holocaust Denial – Royal Courts of Justice, Strand, London, 2000). Заявитель – Д. Дж. Ирвинг (D. J. Irving), ответчики – книжное издательство Penguin Books Limited и Д. Липштадт (D. Lipstadt). На стороне защиты выступает один из известнейших адвокатов Р. Рэмpton (Mr R. Rampton Q.C.), прославившийся успешным завершением целого ряда резонансных дел о клевете («McLibel», «Э. Нил (редактор The Sunday Times) против П. Уорстхорна», «Лорд Олдингтон против графа Н. Толстого» и «Дж. Тейлфорт против News of the World»). Он также успешно представлял интересы политика Дж. Гэллоуэя в суде против The Daily Telegraph). Судья – Mr Justice Gray.

Результаты и обсуждение

Персуазивным воздействием принято считать открытое намеренное изменение пост-коммуникативного поведения реципиента (Perloff, 2003; Grishechko, 2016) посредством изменения его установок по отношению к событию. Персуазивный тип воздействия включает два компонента: базовый, основанный на рациональных сценариях, и частный, апеллирующий к эмоциональным (доминантным – (Котов, 2003)) сценариям. В основе данного понимания персуазивности лежит классическая риторическая схема организации дискурса: логос, этос и пафос (Аристотель). В настоящем исследовании персуазивность рассматривается как средство фокусирования внимания реципиента на отдельных аспектах конструируемой реальности. Принципиальным отличием судебного дискурса от других типов институционального дискурса является реализация персуазивного воздействия через логосный компонент. Среди средств реализации следует отметить следующие:

-Использование большого объема фактологической информации и цитирования, например:

[Mr Irving] Rather lower down that same paragraph, we have a 45-wagon transport arriving from Woolf with 6,700 Jews, of whom 1,450 were already dead. That is about the same kind of proportion, is it not, 20 per cent?

[Mr Irving] Now we have, “The Jews were forced to undress who arrived on this transport”, and then comes a parenthesis that you

originally left out, “the piles of shoes were allegedly 25 metres high”. Is that from the Gerstein report?

-*Персуазивная интенсификация*, в частности: использование интенсифицирующего *do* и его форм, например:

[Mr Justice Gray] <...> but do you accept that Brack of the kanzlei did declare himself ready to aid in the construction of gassing apparatus?

[Mr Justice Gray] You do agree? – [Mr Irving] Yes.

Использование интенсификатора эпистемических модальных глаголов *may/might/could well*, например:

[Mr Irving] <...> For example, it could equally well be destroyed as vermin by being locked up for life.

Использование *of course*, а также *I suppose, yes, that is right* в постпозиции для утверждения собственных мыслей:

[Mr Irving] Right. With this document, of course, now I can see the document you are referring to <...>

[Mr Irving] I understand so. I think the order actually spoke of humane means, and you can interpret the word “humane” how you want if you are a Nazi, I suppose.

-*Лексическая интенсификация*, например:

[Mr Rampton] This is (1) merely a reference to using Dr Brack’s machinery to destroy, (2) literally speaking, vermin (речь идет об уничтожаемом в лагерях населении).

[Mr Irving] That is (2) quite plainly a reference to (4) liquidating the Jews, the second paragraph, yes.

[Mr Irving] They used (3) various different means (4) to dispose of the euthanasia victims.

[Mr Irving] <...> Well, nobody did that at that time. So, these proposals were ventilated by these (4) gangsters.

В качестве лексических интенсификаторов могут выступать наречия (1), наречные сочетания (2), сочетание *various different* (3), а также лексические единицы, семантика которых содержит коннотативный компонент (4). Коннотативный компонент — это «часть системного лексического значения слова, дополняющая его основное понятийное содержание смыслами, в которых отражены социально-психологические оценки и ассоциации соответствующих явлений» (Кузнецова, 1989, с. 183).

В судебном дискурсе наблюдаются сочетания интенсифицирующих средств, например, интенсифицирующего *do* (1) и лексических средств (2).

[Mr Irving] <...> I do (1) have a problem fitting it into the actual (2) framework you are trying to ascribe it to. And I am quite (2) familiar with the Tesch case because I did (1) take the trouble, before this action began, to read through the entire (2) transcripts of the war crimes trial against the Tesch company.

[Mr Justice Gray] In the meantime, (1) you have your answer that (2) “special mission” (3) probably (4) does refer to (2) extermination.

Последний пример интересен тем, что наглядно иллюстрирует отрицательное отношение судьи [Mr Justice Gray] к обсуждаемому событию (уничтожение еврейского населения в период II мировой войны). Пользуясь своим вышестоящим статусом, судья препятствует использованию ответчиком нейтрального термина (2) *special mission* вместо (2) *extermination*, передающего негативную коннотацию. Форма повелительного наклонения «местоимение *you* + глагол-сказуемое» (1) позволяет судье продемонстрировать свой вышестоящий статус, неодобрение и несогласие с позицией ответчика. Высказывание также содержит элементы персуазивной интенсификации – наречие *probably* (3), выражающее эпистемическую оценку (предположение высокой степени уверенности) и интенсифицирующее *does* (4).

-Синтаксический параллелизм (1) и триплет (2) – частотные синтаксические средств фокусирования внимания в судебном дискурсе:

[Mr Rampton] I know the documents that Browning is referring to and (1) some of them are in pencil, (1) some of them had gaps in <...>

[Mr Irving] (1) I do not think that is an adequate suggestion. (1) I do not think that the noise suggestion, if I can paraphrase it as that, holds water because <...>

[Mr Irving] <...> as a central fumigation plant for the huge masses of clothing, (2) army clothing, military clothing, refugee clothing – and vergasungsapparate and unterkunfte, and we have one intercept (3) which goes to this and (3) which, purely by coincidence, I actually handed to Mr Rampton this morning, the German intercept, (3) which actually deals with the provision of the Zyklon to Tesch for this purpose.

В (3) наблюдается сочетание синтаксического параллелизма и триплета.

-*Противопоставление, выраженное при помощи but:*

[Mr Irving] <...> I am just talking about theoretical possibilities, but I agree that there is a sinister connotation on this document.

[Mr Rampton] Can you tell me, I think Viktor Brack was, at any rate, one Dr Brack, sometimes German doctors are Dr Dr, but he is Dr Brack, is he not?

-*Клефтовые (1) и псевдо-клефтовые (2) структуры* (McCarthy 1994) используются всеми участниками процесса, включая судью, с целью создания выделенности определенных аспектов конструируемого события.

[Mr Irving] (1) It is just that I have extraneous knowledge, my Lord, about what was going on at Riga with Tesch.

[Mr Rampton] (1) It is not a matter of history I disagree with in broad terms, but the documentary basis is a bit suspect.

[Mr Irving] (2) All they are saying here is that they are going to be using Brack's means or methods, which could be any means.

В следующем примере наблюдается комбинирование использования псевдо-клефтовой структуры с повтором и перефразом. Все являются средствами персуазивного воздействия:

[Mr Justice Gray] (2) What is being put to you is that, where you have vernichtung in combination with a reference to vermin, there can be no two ways about it. (2) What is being talked about is extermination.

Далее наблюдается комбинированное использование средств персуазивного воздействия: (1) выражение прямого несогласия, (2) обращение, (3) you see (апелляция к согласию) и лексической интенсификации (4) и псевдо-клефтовой структуры (7).

[Mr Rampton] (1) No, (2) Mr Irving, (3) you see, that is only part of what you have maintained. What you have (4) consistently maintained, so far as I am aware, until (5) perhaps we got (6) some concession in this court yesterday, (7) what you have also maintained is Jews were not killed by the use of homicidal gas?

В части высказывания <...> *until perhaps we got some concession in this court yesterday* <...> судья Грэй использует хеджирующие *perhaps* и *some* для «разрушения» значения концепта «concession», что позволяет судье показать, с каким трудом было достигнуто согласие, если вообще было.

-Использование восклицательных структур

[Mr Irving] (1) What a waffly footnote, though, (2) is it not?

Следует отметить, что использование восклицательных структур (1) не стоит относить к персуазивной интенсификации. В контексте судебного заседания это в большей степени отражает эмоциональное состояние говорящего и свидетельствует о потере контроля над ситуацией. В данном случае восклицание сопровождается использованием аффективного инвариантного разделительного вопроса, функцией которого является апелляция к согласию.

*-Использование страдательного залога с указанием деятеля действия при помощи *by*-фразы*

[Mr Rampton] It is said by Professor Browning that Wetzel met also Adolf Eichmann, Heydrich's special adviser on Jewish policy.

Подобная структура фокусирует внимание реципиента на деятеле действия.

-Вопросительные структуры

На этапе перекрестного допроса вопрос выполняет несколько функций. Во-первых, это – элемент лингвистического принуждения (coercive, conducive, leading questions). Большинство вопросов, задаваемых свидетелям с целью «разрушения» их показаний и ослабления доверия к ним со стороны присяжных, содержат узкие формулировки законченных пропозиций, которые в значительной степени контролируют ход мыслей свидетеля, направляя их в нужное русло и влияют на ответ.

[Mr Justice Gray] What is being talked about is extermination. Do you not agree with that? – [Mr Irving] Yes.

[Mr Irving] Tauber described the cyanide being poured into the gas chamber of crematorium No. (ii) through holes in the roof. That is correct? – [Professor Van Pelt] Yes, that is correct.

[Mr Justice Gray] You do agree? (в данном случае также наблюдается использование интенсифицирующего *do*) – [Mr Irving] Yes.

Инвариантные формы «разделительных вопросов» функционируют в качестве средств конвенциональной вежливости при выражении просьбы, например:

[Mr Rampton]: Let us read paragraph 5, may we?

[Mr Rampton] No. Well, we will leave that, shall we?

[Mr Rampton] Mr Irving, if you have an application to make for further discovery, make it to his Lordship at the proper time, will you?

«Разделительный вопрос» с аффективной присоединенной частью классической структуры используется для ослабления степени потенциального вреда [Brown & Levinson 2014], который пропозиция главной части может нанести «лицу» собеседника, например:

[Mr Justice Gray] This is a bit second-hand, is it not?

Первые исследования *хеджирования* возникли в 1960-х годах (Zadeh, 1965; Weinreich, 1966), термин *hedge* был впервые использован Дж. Лакоффом, который указывал на способность хеджей делать концепты более размытыми или менее четкими (Lakoff, 1973). Несмотря на то, что Дж. Лакофф рассматривал хеджирование в широком смысле как усиление, так и ослабление пропозиционального содержания, в современной лингвистике хеджирование рассматривается в качестве компенсаторной коммуникативной тактики, целью которой является целенаправленное ослабление иллокутивной силы высказывания, что позволяет говорящему снять с себя ответственность за высказываемое суждение, создать неопределенность, двусмысленность, ослабить возможные неблагоприятные последствия речевого акта, смягчить пропозициональное содержание и избежать возможных рисков, возникающих в результате личного взаимодействия (Caffi, 2007). Б. Фрейзер (Fraser, 1975) пришел к заключению, что, несмотря на структурное многообразие хеджей, с точки зрения функций они могут быть поделены на два основных класса: модификаторы пропозиции, целью которых является смягчение пропозициональной составляющей высказывания, и модификаторы речевого акта, которые ориентированы на ослабление прагматического воздействия речевого акта в целом. В речи участников перекрестного допроса отмечено использование как пропозициональных хеджей (1), так и модификаторов речевого акта (2). К данным классам относятся разные структурные типы хеджей, использования полифункциональных хеджей в контексте судебного заседания отмечено не было. Среди наиболее частотных пропозициональных хеджей следует отметить *as it were*, например:

[Mr Rampton] The purpose of this cross-examination is not, my Lord, to, as it were, investigate the Defendants' efficiency or bona fides in the material that they have disclosed.

[Mr Rampton] That is Dr Longerich, (1) begging your pardon, and I am just about to show you something which I hope you will agree, (4) as it were, helps to found the stability of this proposition by Dr Longerich.

К средствам реализации тактики хеджирования также следует отнести:

-Использование эпистемических модальных глаголов, выражающих низкую степень уверенности, например:

[Mr Irving] (1) Well, we do not know exactly what shape this fumigation chamber took. They (2) may have taken over a Nissan hut and turned it into a gassing chamber with the appropriate sealants, and (3) so on, где *and so on* также следует относить к классу модификаторов пропозиции (создание неопределенности).

-Использование модификатора пропозиции kind of:

[Mr Irving] (1) Well, Nissan huts constructed. I just gave that as (2) a kind of ready translation.

Модификаторы речевого акта отличаются большим структурным многообразием. Среди них следует, прежде всего, отметить использование (1) *Well* в начале предложения и (2) глаголов, передающих мнение (reporting verbs):

[Mr Rampton] No. (1) Well, we will leave that, shall we? I do not (2) believe there can be any doubt about what extermination of vermin actually means.

[Mr Justice Gray] I (2) am not sure whether this is really covered by Mr Rampton's question, but do you accept that Brack of the kanzlei did declare himself ready to aid in the construction of gassing apparatus?

[Mr Rampton] This is, I think, a Nuremberg document, is it not? – [Mr Irving] Yes.

[Mr Rampton] On a limited scale. Yes, sorry. I will read you something. You will probably recognize it. I have not got a date for it, I am afraid.

-Использование структур, выражающих апелляцию ко мнению реципиента, как правило, вышестоящего (условных придаточных предложений (1), you see (2), инвариантного is that right? (3) с восходящей интонацией:

[Mr Rampton] That takes me back, (2) you see, to Wisliceny and to Bruns and to the suggestion I made some days ago, (1) if you remember, that the principal reason why, well, one of the two reasons why mass shootings <...>

[Mr Justice Gray] I think Mr Rampton puts it forward as evidence of the genesis of a policy of extermination by methods including gas, (3) is that right?

Использование структур, выражающих запрос о способности\возможности совершать действие (с 1-м лицом):

[Mr Irving] I do not think that is an adequate suggestion. I do not think that the noise suggestion, if I can paraphrase it as that, holds water because <...>

[Mr Irving] That, I venture to suggest, if I may just interrupt you, is why the letter had a Geheim rating rather than the Top Secret rating.

[Mr Rampton] I am not trying to demean it in line 9; if I have understood it correctly, you will correct me if I am wrong in lines 34-35.

[Mr Irving] Perhaps we had better go through the document in detail.

В большинстве высказываний наблюдается комбинированное использование хеджирующих средств, как модификаторов речевого акта (1), так и пропозициональных (2).

[Mr Justice Gray] (1) If I am supposed to follow that, (1) I am afraid I am (2) simply not following a word of it. (2) It is no criticism of you, Mr Irving.

На рубеже 2000-х годов была сформулирована основополагающая теория *вежливости* П. Браун и С. Левинсона (Brown & Levinson, 1978, 1987). Появляется термин «практика взаимоотношений» (relational practice) (Fletcher, 1999; Holmes & Schnurr, 2005; Holmes & Stubbe, 2015), который рассматривается как «принцип работы, сочетающий эффективность, ряд навыков, позволяющих строить и поддерживать отношения с людьми, таких как эмпатия, взаимность, а также чувствительность к эмоциональному контексту (Fletcher, 1999, с. 84). Одна из поздних теорий вежливости Г. Спенсер-Оути (Spencer-Oatey, 2008) представляет собой попытку совместить положения существующих теорий (Brown & Levinson, 1978, 1987; Leech, 1983), включая теорию конверсационного контракта (conversational contract) Б. Фрейзера, который полагал, что собеседники, вступая в разговор, «осознают свои права и обязанности, что определяет их ожидания,

связанные с общением» (Fraser 1990, с. 232). Условия контракта зависят от контекста и могут изменяться в процессе коммуникации. Соответственно, вежливость, по мнению Г. Спенсер-Оути (Spencer-Oatey, 2008), предполагает понимание трех основополагающих принципов: (1) осознание «лица» (Goffman, 1967); (2) целей коммуникации и (3) соблюдение прав и обязанностей, требуемых социальным контекстом. Другой подход к вежливости – дискурсивный, связан с критикой традиционного взгляда на вежливость (Culpeper, 2011; Eelen, 2001; Haugh, 2007; Watts, 2003) и рассматривает вежливость как динамически изменяющийся конструкт, который предполагает не только выбор говорящим средств вежливости, но и уделяет внимание ее интерпретации слушателем в ходе коммуникации.

В контексте судебного заседания говорящие ограничиваются применением конвенциональных средств вежливости, таких как:

-*Призыв к совместному действию*, например:

[Mr Justice Gray] Let's not get bogged down.

[Mr Rampton] Let us read paragraph 5, may we?

[Mr Justice Gray] Shall we press on?

-*Апелляция к согласию*

[Mr Rampton] No. Well, we will leave that, shall we?

-*Использование конвенционального please*

[Mr Rampton] Could you then please turn, first of all – [Mr Irving] But I do emphasise once again <...>

-*Использование конвенциональной косвенной просьбы* [Лебедева 2018] в форме апелляции к способности\ возможности совершить действие (модальные *could* и *may*), например:

[Mr Irving] Could you tell me again what the reference number for the document is (*can* + Shift of Tenses, как средство повышения степени вежливости (Brown & Levinson 2014)).

[Mr Irving] They used trucks at this point. If we want to know what actually happened, may we please go to Professor Longerich's report, the second part, page 49?

и конвенциональной косвенной просьбы в форме апелляции к волеизъявлению реципиента, модальный *will*:

[Mr Irving] Now, will you please comment on that suggestion? (Апелляция к волеизъявлению слушателя в комбинации с конвенциональным *please*).

[Mr Rampton] Mr Irving, if you have an application to make for further discovery, make it to his Lordship at the proper time, will you?

-Использование *разделительного вопроса с аффективной присоединенной частью* для уменьшения высокого Rx (степень потенциального «вреда», который пропозиция главной части может нанести «лицу» собеседника (Brown & Levinson, 2014).

[Mr Justice Gray] This is a bit second-hand, is it not?

-Использование косвенной просьбы в форме сложноподчиненного предложения с придаточным нереального условия (сослагательное наклонение), например:

[Mr Justice Gray] If I had those separately, it would make life much easier.

В ходе судебного заседания адвокатам свойственно использовать так называемую «стратегию ложных друзей» (“a false friends’ strategy”) (Aldridge & Luchjenbroers 2007, с. 102) – намеренно демонстрировать высокую степень вежливости Wx (Brown & Levinson 2014) при обсуждении «чувствительных» тем для «разрушения» имиджа оппонента. Подобное использование вежливости создает когнитивный диссонанс, своего рода нарушение в ментальной картине события. Повышение степени вежливости при обращении к собеседнику в ходе обсуждения вопроса, обладающего высокой степенью негативного воздействия Rx создает эффект сарказма, например:

[Mr Rampton] You (1) would not describe a fumigation chamber as an “unterkunfte”, (2) would you? (1) Использование модального глагола *would* (апелляция к волеизъявлению) (*will*+Shift of Tenses, как средства повышения степени вежливости [Brown & Levinson 2014]); (2) Использование структуры «разделительный вопрос» (*will*+Shift of Tenses).

В следующем примере в конфликт вступают привычные ментальные представления реципиента о ситуациях, где возможно использовать средства повышения степени вежливости *would it not be far more humane if you would*, с одной стороны, и пропозициональное содержание, передаваемое посредством *dispose of these people* и *by some rapidly working means* и обсуждаемое событие, с другой. Возникает когнитивный диссонанс, который интенсифицируется использованием лексической единицы *dispose of* с выраженным коннотативным компонентом:

[Mr Irving]: And I think that there is more than just a nuance between those two words; just the same as somebody in Posnan, I think it was Mr Hukner, in July 1941 wrote a letter to Eichmann saying, (1) would it not be far more humane if you would dispose of these people before the winter comes by some rapidly working means? Well, nobody did that at that time. So, these proposals were ventilated by these (2) gangsters.

-*Апелляция к способности совершить действие в форме условного предложения* – распространенное средство выражения вежливости и, следовательно, реализации межличностной функции дискурса. Следует отметить различие в использовании структуры вышестоящим (судья) *if they can* и нижестоящими (защита и ответчики) *if they may*. Как известно, *may* – форма более формальная, чем *can* в динамических значениях, в данном случае общая способность\ ситуативная способность совершать действие. Судья намеренно отказывается от использования формальных языковых средств для конструирования имиджа равного собеседника и сближения дистанции, тем самым демонстрируя свое одобрение позиции защиты, например:

[Mr Justice Gray] Let us cut this short. Would the Defendants, if they can, unearth this document?

Для любого дискурса характерна определенная доля конфликтогенности, которая является результатом различий между картиной реального события и его дискурсивной репрезентацией. В случае судебного дискурса степень конфликтогенности возрастает ввиду конфликта интересов. В контексте судебного заседания реальное событие, а также степень правдивости воссоздаваемой картины события перестают иметь значение, единственное, что имеет значение – это дискурсивная репрезентация события (Felton, 2015), следствием чего является высокая степень маркированности дискурса и особое внимание к выбору формы на всех лингвистических уровнях (Bolinger, 1980).

Высокая плотность использования средств персуазивности, хеджирования и вежливости, а также их комбинаций подтверждает утверждение о высокой лингвистической маркированности судебного дискурса, например:

[Mr Rampton]: I (1) will not read the first paragraph, (2) but I will read the second since we have not done that: The sense of that is, (3) surely, this, (4) is it not, (5) Mr Irving — you can (3) surely accept this

– that the intention was – (5) what happened in the event is another matter – (6) as expressed by Wetzel in Berlin in the Ostland Ministry in Berlin, (7) to bring train loads of Jews from the Altreich to Riga and (7) to send some of them that were fit for work to the East and (7) to gas the rest?

(1) Прямой отказ совершить действие (going bald-on-record [Brown & Levinson 2014];

(2) Противопоставление в сочетании с синтаксическим параллелизмом;

(3) Лексическая интенсификация (эпистемическое *surely*);

(4) «Принуждающий» разделительный вопрос (с нисходящей интонацией), фокусирующий внимание реципиента на возможном варианте ответа.

(5) Псевдо-клефтовая структура;

(6) Ссылка на авторитет;

(7) Триплет.

[Mr Irving] (1) Clearly, (2) a lot of the men did not like doing it, (3) but (2) a lot of the men (4) did like doing it.

(1) Лексическая интенсификация;

(2) Синтаксический параллелизм;

(3) Противопоставление;

(4) Интенсифицирующее *did*.

Все используемые средства можно отнести к средствам персуазивного воздействия, в ходе которого осуществляется фокусирование внимания на определенных аспектах реальности с целью оказания влияния на пост-коммуникативное поведение реципиента\ реципиентов.

Рассмотрим сегменты дискурса (а) и (б):

(a) [Mr Irving] (1) Can I make a general comment about the unsatisfactory nature of this kind of evidence? – [Mr Justice Gray] (2) Yes, but (1) can you answer the question first? [Mr Irving] (3) No, I do not, not on the basis just of this one extract (4) without knowing what the German document said, (4) without seeing the classifications on it, (4) without knowing the original wording. (5) Why are we being presented with somebody else's book as a source, (6) just (7) being given extracts from it in English?

(1) Отказ от соответствующего контексту конвенционального *could* (*can* + Shift of Tenses) и, как следствие, сближение дистанции свидетельствуют о потере контроля над ситуацией;

(2) В ответе судья Грэй использует противопоставление и синтаксический параллелизм для фокусирования внимания на ошибке, совершенной Ирвингом.

(3) Следует прямой отказ *No, I do not (going bald-on-record* [Brown & Levinson 2014].

(4) Для усиления своей позиции и возвращения контроля над ситуацией Ирвинг использует триплет в сочетании с синтаксическим параллелизмом.

(5) Риторический вопрос;

(6) Лексический интенсификатор-минимизатор *just* сужает пределы рассматриваемого значения, тем самым фокусирует внимание на том, что будет сказано далее;

(7) Перефраз + синтаксический параллелизм. Перефраз, как правило, позволяет дважды фокусировать внимание на одной и той же пропозиции, что также создает эффект интенсификации.

Заслуживает внимания то, как меняется дискурс судьи при обращении к защите (б).

(б) [Mr Justice Gray] (1) Mr Rampton, (2) I wonder if I (3) could ask you for (4) a bit of help on (5) really a logistical problem? Some of the source material that the experts rely on is (6) fairly inaccessible. (2) I was wondering if your team (3) could provide me with copies of, (4) I think, (4) just three documents, report No. 51, (5) that report from the Einsatzgruppen A, (5) you know the one I mean, (5) giving the partisans and the Jews killed?

(1) Обращение;

(2) Использование конвенциональных форм вежливости *I wonder if I could, I was wondering if your team could*, где

(3) *Could* представляет собой запрос о способности\возможности совершать действие + Shift of tenses, как средства повышения степени вежливости (Wx).

(4) Хеджирование, выраженное лексическими минимизаторами пропозиции *a bit of, just* и глаголом, выражающим мнение, *I think*.

(5) Триплет-разъяснение.

Данные различия в расстановке акцентов позволяют судье конструировать дискурс, где четко обозначено его отношение к обсуждаемому событию и сторонам обвинения (а) и защиты (б).

Выводы

Дискурсивное представление реальных событий не является объективным. Дискурс перекрестного допроса представляет собой социальный конструкт, который опосредован личными установками того, кто представляет информацию по делу в зале судебного заседания, его отношением к событию, а также множеством факторов психологического и социолингвистического характера, которые формируют это отношение. Подобное понимание дискурса позволяет осознать, что каждый отдельный случай использования языка не существует изолированно, он является частью более широкой модели обсуждения определенной темы или определенного числа смежных тем. В процессе конструирования дискурса не только создается новое событие, которое может не иметь ничего общего с реальностью, этому событию говорящим может придаваться определенный смысл посредством лингвистических маркеров. Ввиду высокой конфликтности для дискурса, конструируемого в зале судебного заседания, характерны высокая степень маркированности и особое внимание к выбору формы на всех лингвистических уровнях, включая лексический и синтаксический. Маркеры персуазивности, хеджирования и вежливости играют ключевую роль в конструировании дискурса на этапе перекрестного допроса в зале судебного заседания.

Литература

1. Крапивкина О. А. О дуализме судебных дискурсивных практик // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 4. – С. 90–98.
2. Котов А. А. Описание речевого воздействия в лингвистической модели // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Доклады Международной конференции «Диалог 2003». – М.: Наука, 2003. – С. 299–304.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филологических факультетов университетов / М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
4. Лебедева И. С. Социолингвистические аспекты просьбы // Вопросы прикладной лингвистики. – 2018. – № 1 (29). – С. 17–30.

5. Малюга Е. Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник томского государственного университета. Филология. – 2019. – №. 58. – С. 52-70.
6. Aldridge, M., Luchjenbroers J. Linguistic Manipulations in Legal Discourse: Framing Questions and ‘Smuggling’ Information // International Journal of Speech Language and the Law. – N 1. – 2007. – Pp. 85-107.
7. Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford at the Clarendon Press, 1962. – 167 p.
8. Bauman, R., and Briggs, C. L. Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life // Annual Review of Anthropology. – N 19. – 1990. – Pp. 59–88.
9. Boginskaya O. A. Duality of the Closing Arguments’ Narrative // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2 (41). – С. 1-10.
10. Bolinger D. Language, the Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today. – Longman, 1980. – 214 p.
11. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Use. – Cambridge: Cambridge University press, 1978, 1987, 2014. – 345 p.
12. Caffi C. Mitigation. Studies in Pragmatics 4. – London: Elsevier, 2007. – 360 p.
13. Culpeper J. Politeness and Impoliteness // Pragmatics of Society. Handbooks of Pragmatics (Vol. 5) / G. Andersen, K. Aijmer, (Eds). – 2011. – Berlin: Mouton de Gruyter. – Pp. 391–436 p.
14. Eelen G. A Critique of Politeness Theories. – Manchester & Northampton: St. Jerome, 2001. – 299 p.
15. Felton Rosulek, L. Dueling Discourses: The Construction of Reality in Closing Arguments. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 248 p.
16. Fletche J. K. Disappearing Acts: Gender, Power, and Relational Practice at Work. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. – 166 p.
17. Fowler R., Hodge B., Kress G., and Trew T. Language and Control. Taylor & Francis, 2018. – 232 p.
18. Fraser B. Hedged Performatives // P. Cole, J. Morgan / Syntax and Semantics III: Speech Acts. – 1975. – New York: Academic Press. – Pp. 187-231.

19. Fraser B. Perspectives on Politeness // Journal of Pragmatics. – N 14. – 1990. – Pp. 219–236.
20. Goffman E. Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior. – Chicago: Aldine, 1967. – 270 p.
21. Grischechko O. S. English language purism: History, development, criticism / O. S. Grischechko, A. S. Akopova, E. G. Grischechko // Proceedings of Southern Federal University, Philology. – 2016. – № 4. – P. 185-192. EDN: VBUFXJ
22. Halliday M. A. K. Explorations in the Functions of Language. – London: Arnold Publishers, 1973. – 140 p.
23. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. – Baltimore, MD: Edward Arnold, 2004. – 700 p.
24. Halliday M. A. K., Hassan R. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 1989. – 126 p.
25. Haugh M. The Discursive Challenge to Politeness Research: An interactional alternative // Journal of Politeness Research. – N 3. – 2007. – Pp. 295–317.
26. Holmes J., Schnurr S. Politeness, Humour and Gender in the Workplace: Negotiating Norms and Identifying Contestation // Journal of Politeness Research. – N 1. – 2005. – Pp. 121–149 p.
27. Holmes J., Stubbe M. Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work. – Abingdon: Routledge, 2015. – 200 p.
28. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. – N 2(4). – 1973. – Pp. 458-508 p.
29. Lambert W. E., Frankel H., Tucker G. R. Judging Personality through Speech: A French-Canadian example // Journal of Communication. – N16. – 1966. – Pp. 305–321.
30. Langacker R. W. Foundation of Cognitive Grammar. / Vol. 1: Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
31. Langacker R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. – Oxford University Press, Inc., 2008. – 562 p.
32. Leech G. Principles of Pragmatics. – L.: Longman, 1983. – 256 p.
33. Matthiessen C. Theme as an Enabling Resource in Ideational “Knowledge” Construction // Thematic Development in English

- Texts / M. Ghadessy (Ed.). – 1995. London: Pinter Publishers. – Pp. 20–54.
34. McCarthy M. Discourse Analysis for Language Teachers. – Cambridge University Press, 1994. – 213 p.
 35. Perloff M. The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the 21st Century. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2003. – 392 p.
 36. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
 37. Sinclair J. M., Coulthard M. Towards an Analysis of Discourse // Advances in Spoken Discourse Analysis / M. Coulthard (Ed.). London and New York: Routledge, 1992. – Pp. 50–78 p.
 38. Spencer-Oatey H. Face, (Im)politeness and Rapport. Culturally speaking: Culture, Communication and Politeness Theory / H. Spencer-Oatey. L. (Ed.). – 2008. – N.Y.: Continuum. – Pp. 11–47.
 39. van Dijk T. A. Discourse Analysis as Ideology Analysis // Language and Peace / C. Schäffner and A. Wenden (Eds.). – Aldershot, UK: Dartmouth Publishing, 1995. Pp. 17–33.
 40. van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. – Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
 41. van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics. – London: Routledge, 2005. – 301 p.
 42. Watts R. Politeness. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 318 p.
 43. Weinberg M. The Politics of Ethics in Human Services: Dueling Discourses Merlinda Weinberg // Ethics & Behavior [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10508422.2017.1389280> (дата обращения: 31.10.2017).
 44. Weinreich U. On the Semantic Structure of English // Universals of Language / J. H. Greenberg (Ed.). – 1966. – Cambridge: Mass. MIT Press. – Pp. 142–217 p.
 45. Zadeh L. A. Fuzzy sets // Information and Control. – N 8. 1965. – Pp. 338-353.

References

- Aldridge, M., & Luchjenbroers, J. (2007). Linguistic Manipulations in Legal Discourse: Framing Questions and 'Smuggling' Information. *International Journal of Speech Language and the Law*, 1, 85-107.
- Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford at the Clarendon Press.
- Bauman, R., & Briggs, C. L. (1990). Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life. *Annual Review of Anthropology*, 19, 59–88.
- Boginskaya, O.A. (2021). Duality of the Closing Arguments' Narrative. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2 (41), 1-10.
- Bolinger, D. (1980). *Language, the Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today*. Longman.
- Brown, P., & Levinson, S. (2014) *Politeness: Some Universals in Language Use*. Cambridge: Cambridge University press.
- Caffi, C. (2007). *Mitigation. Studies in Pragmatics 4*. London: Elsevier.
- Culpeper, J. (2011). Politeness and Impoliteness. In G. Andersen, K. Aijmer, (Eds), *Pragmatics of Society. Handbooks of Pragmatics*, 5, 391–436.
- Eelen, G. (2001). *A Critique of Politeness Theories*. Manchester & Northampton: St. Jerome.
- Felton Rosulek, L. (2015). *Dueling Discourses: The Construction of Reality in Closing Arguments*. Oxford: Oxford University Press.
- Fletcher, J. K. (1999). *Disappearing Acts: Gender, Power, and Relational Practice at Work*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Fowler, R., Hodge, B., Kress, G., & Trew, T. (2018). *Language and Control*. Taylor & Francis.
- Fraser, B. (1975). Hedged Performatives. In P. Cole, J. Morgan, (Eds.) *Syntax and Semantics III: Speech Acts* (pp. 187-231). New York: Academic Press.
- Fraser, B. (1990). Perspectives on Politeness. *Journal of Pragmatics*, 14, 219–236.
- Goffman, E. (1967). *Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior*. Chicago: Aldine.
- Grishechko, O. S., Akopova, A. S., & Grishechko, E. G. (2016). English language purism: History, development, criticism. *Proceedings of Southern Federal University, Philology*, 4, 185-192.
EDN: VBUFXJ

- Halliday, M. A. K. (1973). *Explorations in the Functions of Language*. London: Arnold Publishers.
- Halliday, M. A. K. (2004). *An Introduction to Functional Grammar*. Baltimore, MD: Edward Arnold.
- Halliday, M. A. K., & Hassan, R. (1989). *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Haugh, M. (2007). The Discursive Challenge to Politeness Research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*, 3, 295–317.
- Holmes, J., & Schnurr, S. (2005). Politeness, Humour and Gender in the Workplace: Negotiating Norms and Identifying Contestation. *Journal of Politeness Research*, 1, 121–149.
- Holmes, J., & Stubbe, M. (2015). *Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work*. Abingdon: Routledge.
- Kotov, A.A. (2023). Opisanie rechevogo vozdejstviya v lingvisticheskoj modeli [Description of speech influence in the linguistic model]. // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Doklady Mezhdunarodnoj. konferencii «Dialog 2003»* (pp. 299–304). Moscow: Nauka. (in Russian).
- Krapivkina, O. A. (2018). O dualizme sudebnyh diskursivnyh praktik [The dualism of discursal discursive practices]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 4, 90–98. (in Russian).
- Kuznetsova, E. V. (1989). *Leksikologiya russkogo yazika: Ucheb. posobie dlya filologicheskikh fakultetov universitetov* [Lexicology of the Russian language: A textbook for philological faculties at universities]. Moscow: Visshaya shkola. (in Russian).
- Lakoff, G. (1973). Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2(4), 458–508.
- Lambert, W. E., Frankel, H., & Tucker, G. R. (1966). Judging Personality through Speech: A French-Canadian example. *Journal of Communication*, 16, 305–321.
- Langacker, R. W. (1987). *Foundation of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
- Langacker, R. W. (2008). *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford University Press, Inc.

- Lebedeva, I. S. (2018). Sotsiolingvisticheskie aspekty prosbi [Sociolinguistic aspects of request]. *Voprosy prikladnoi lingvistiki*, 1 (29), 17–30. (in Russian).
- Leech, G. (1983). *Principles of Pragmatics*. L.: Longman.
- Malyuga, E. N. (2019). Emergent trends in English scientific discourse: Issues of research relevance and linguistic identity // *Bulletin of Tomsk State University*, 58, 52-70.
- Matthiessen, C. (1995). *Theme as an Enabling Resource in Ideational “Knowledge” Construction*. In M. Ghadessy (Ed.), *Thematic Development in English Texts* (pp. 20–54). London: Pinter Publishers.
- McCarthy, M. (1994). *Discourse Analysis for Language Teachers*. Cambridge University Press.
- Perloff, M. (2003). *The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the 21st Century*. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.
- Searle, J. (1969). *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sinclair, J. M., & Coulthard, M. (1992). Towards an Analysis of Discourse. In M. Coulthard (Ed.), *Advances in Spoken Discourse Analysis* (pp. 50–78). London and New York: Routledge.
- Spencer-Oatey, H. (2008). Face, (Im)politeness and Rapport. In H. Spencer-Oatey. L. (Ed.), *Culturally speaking: Culture, Communication and Politeness Theory* (pp. 11–47). N.Y.: Continuum.
- van Dijk, T. A. (1995). Discourse Analysis as Ideology Analysis. In C. Schäffner and A. Wenden (Eds.), *Language and Peace* (pp. 11–47). Aldershot, UK: Dartmouth Publishing.
- van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge University Press.
- van Leeuwen, T. (2005). *Introducing Social Semiotics*. London: Routledge.
- Watts, R. (2003). *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weinberg, M. (2018). The Politics of Ethics in Human Services: Dueling Discourses Merlinda Weinberg. *Ethics & Behavior*, 28 (6), 497-509. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1080/10508422.2017.1389280>

- Weinreich, U. (1966). On the Semantic Structure of English. In J. H. Greenberg (Ed.), *Universals of Language* (pp. 142–217). Cambridge: Mass. MIT Press.
- Zadeh, L. A. (1965). Fuzzy sets. *Information and Control*, 8, 338-353.

УДК 81-114.2

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.04>

Тихомиров Д. П.

Государственный университет просвещения,

Ахренова Н.А.⁴

Государственный университет просвещения

МАРКЕРЫ АГРЕССИИ ПРИ КОММУНИКАЦИИ В КИБЕРСПОРТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Виртуальное пространство занимает важную роль в современном мире. Практически в каждой сфере задействованы способы сохранения данных в облачных хранилищах, во вспомогательных и виртуальных пространствах. Большинство онлайн- игр работают на выделенных серверах, позволяющих осуществлять игровые сессии и вести игровую или постигровую коммуникацию. Изучение чатов даёт доступ к огромному количеству языковых, зафиксированных единиц. Нередким феноменом данного общения является проявление пассивной и/или активной вербальной агрессии ввиду недовольства результатом, действиями или оценки другими игроками. В данной статье рассматриваются основные маркеры и речевые тактики агрессии в комментариях в киберспортивной среде.

Целью данной работы является изучение способов выражения агрессии в онлайн-чатах, а также их классификация в зависимости от контекста и повода.

⁴ © Тихомиров Д.П., Ахренова Н.А. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>